

СКУРКО Е.В.¹ Рецензия на книгу: ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ / РЕД. КАРЛОС БЛАНКО ДЕ МОРАИС, ЖИЛМАР ФЕРРЕЙРА МЕНДЕС, ТОМАС ВЕСТИНГ

Аннотация. Верховенство закона в киберпространстве в настоящее время сталкивается с серьезными вызовами. Интернет высветил множество новых проблем для классических правовых институтов: демократическая система, государственный суверенитет, основные права граждан и др. Эта книга вносит ценный вклад в изучение международного, конституционного и административного права, поскольку все три науки взаимодействуют в киберпространстве. Соответствующие главы охватывают такие темы, как цифровое государство, цифровой суверенитет, юрисдикция над Интернетом, электронное правительство и искусственный интеллект. Особое внимание уделяется областям цифровой демократии, цифровым медиа и регулированию цифрового пространства. В книге исследуются эволюция верховенства права в киберпространстве и новые правовые режимы в Европейском союзе и Бразилии.

Ключевые слова: право; публичное право; цифровая демократия; киберпространство; социальные сети; Интернет.

SKURKO E.V. Book review: The Rule of Law in Cyberspace / ed. Carlos Blanco de Moraes, Gilmar Ferreira Mendes, Thomas Vesting

Abstract. The rule of law in cyberspace is currently facing serious challenges. The Internet has raised many new challenges for classi-

---

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

cal legal institutions, from the democratic system to the exercise of fundamental rights. This book makes a valuable contribution to the study of international, constitutional and administrative law, as all three sciences interact in cyberspace. The relevant chapters cover topics such as the concept of digital states, digital sovereignty, jurisdiction over the Internet, e-government and artificial intelligence. Special attention is paid to the areas of digital democracy, digital media and regulation of the digital space. The book explores the evolution of the rule of law in cyberspace and new legal regimes in the European Union and Brazil.

Keywords: law; public law; digital democracy; cyberspace; social networks; Internet.

Для цитирования: Скурко Е.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 187–194. Рец. на кн.: Верховенство права в киберпространстве = The Rule of Law in Cyberspace / eds. Carlos Blanco de Moraes, Gilmar Ferreira Mendes, Thomas Vesting. – Cham : Springer, 2022. – 401 p. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.14

В 2022 г. в издательстве Шпрингер вышла в свет монография «Верховенство права в киберпространстве», авторы и редакторы которой – Карлос Бланко де Мораис, профессор конституционного права и международного публичного права на юридическом факультете Лиссабонского университета, Жилмар Феррейра Мендес, судья Федерального верховного суда Бразилии, профессор конституционного права, Томас Вестинг, сотрудник кафедры публичного права, юриспруденции и теории СМИ на юридическом факультете Университета Гете, Франкфурт-на-Майне. Данная монография стала результатом специального научного проекта Исследовательского центра публичного права юридического факультета Лиссабонского университета (Public Law Research Center of the Lisbon University Faculty of Law) и Института публичного права Бразилии (Brasiliense Public Law Institute (IDP)). Тема данного исследования актуальна для развития и прогресса права: интересны постановка вопроса о законности и верховенстве права в киберпространстве, анализ проблем публичного права в условиях цифровизации, дискуссия о цифровом праве и суверенитете в киберпространстве и переосмыслении традиционных конституционных прав и свобод.

Как указывается во введении к книге, ««цифровая демократия» имеет мало общего с представительной демократией или даже с совещательной демократией, она функционирует, скорее, в либеральной или либертарианской логике как многополярный канал свободы слова в плюралистических обществах». Авторы исходят из того, что «политическое использование социальных сетей в киберпространстве в демократических государствах может как насыщать “кислородом” представительную демократию, стимулируя прямое общение между политиками и гражданами и улучшая общественные дебаты, так и ухудшать их качество из-за разжигания ненависти, ложных новостей и раздражающих сообщений» (р. 1–2).

Поскольку киберпространство не может быть «страной без закона», слежка за фейковым или экстремистским онлайн-дискурсом должна основываться на правилах, которые позволяют государственным и частным структурам предотвращать и пресекать подстрекательство и практику совершения серьезных преступлений, избегая при этом цензуры, направленной на формирование единого образа мышления и политических идей (Ibid).

Решать вопросы, возникающие в киберпространстве перед современными государствами, призваны, как полагают авторы, международное право, административное и конституционное право. Исполнительная власть «находится в центре “урагана”, порождаемого влияниями киберпространства, поскольку она имеет дело не только со своей собственной административной структурой, но и управляет деятельностью новых “цифровых субъектов”. Соответствующим образом, административное право приобретает особое значение, как на национальном, так и на глобальном уровнях» (р. 2–3).

Важную роль играет международное право, которое «все чаще становится ареной, на которой должны решаться все вопросы, возникающие в киберпространстве перед современными государствами, поскольку только оно может предложить региональные и глобальные ответы тем вызовам, которые сегодня выдвигает Интернет» (Ibid).

Определение ключевой роли названных отраслей права в рассматриваемой сфере правового регулирования киберпространства не вызывает возражения. Однако несмотря на достаточно ши-

рокую постановку вопросов верховенства права в киберпространстве монография практически не затрагивает проблем гражданского и уголовного права, касающихся вопросов деятельности физических и юридических лиц в киберпространстве: авторы ограничиваются проблематикой «цифровой демократии» – с одной стороны, и роли социальных сетей как источника «угрозы дезинформации» – с другой.

Как указывают исследователи, первой и основной целью представленной монографии является изучение проблем, возникающих вследствие развития киберпространства для демократических политических систем, конституционной демократии. Так, в первых семи главах первой части работы авторы рассматривают «глобальные перспективы», вызовы и влияние киберпространства на политические системы таких стран, как Португалия, Испания, Италия, Нидерланды, Германия; вопросы современного «цифрового конституционализма», в том числе такие, как цифровая демократия и юрисдикция, электронное правительство, человеческий потенциал и цифровая изоляция, вызовы искусственного интеллекта.

В первой главе монографии раскрываются дискуссии ученых о феномене киберпространства и его роли в создании так называемой «цифровой демократии», в расширении свободы общения и создании новых форм взаимодействия между лидерами и людьми. Создание «цифровой демократии», информированного и эмансипированного общества позволит, по мнению авторов, «сделать Интернет революционным, способствовать каждому создавать новости, вовлекаться в культурную сферу и участвовать в дискуссиях и дебатах по всему миру» (р. 10).

Однако можно заметить, что исследователи достаточно скептически настроены к практике реализации неформальной «советательной демократии», примеры которой в большом количестве представлены в деятельности социальных сетей и киберпространстве «делишек западных держав».

Отмечается что политическая активность благодаря использованию цифровых платформ, таких как Facebook, Youtube, Twitter и WhatsApp, перешагнув через национальные границы, культурные и правовые барьеры между государственным и частным секторами была неформализована и приумножена. Надежда на то, что

новые технологии станут «противоядием от авторитаризма» оказалась преувеличенной: «После цикла энтузиазма по поводу “электронной демократии” в политическом истеблишменте, в социальных группах, в основных партиях, в профессиональных СМИ и в университетах был зафиксирован перелом или поворот к ее реальным достоинствам как специфической формы демократии, и, внезапно, доминирующая риторика изменилась с начала 2016 г. Киберпространство из “проспекта свободы” и демократического форума превратилось в “лес опасностей” для демократии...» (р. 10). Социальные сети стали ассоциироваться с разжиганием ненависти, фейковыми новостями, направленными на манипулирование выборами, а также с «троллингом», грубыми или экстремистскими высказываниями и проч., распространяемыми в киберпространстве.

Авторы монографии в связи с противоречивым феноменом сетевой коммуникации пытаются найти ответы три вопроса: 1) является ли так называемая «цифровая демократия» категорией демократии и может ли она в настоящее время способствовать насыщению кислородом представительной демократии в условиях кризиса?; 2) существуют ли реальные риски и угрозы для представительной демократии, создаваемые использованием социальных сетей?; 3) должно ли киберпространство оставаться почти нерегулируемой областью или, напротив, оправданна какая-то форма предварительного или последующего контроля или даже цензуры мысли? (р. 12).

В результате они приходят к закономерному выводу о том, что киберпространство должно быть нейтральным средством коммуникации, укрепляющим демократию. Так называемая «цифровая демократия», строго говоря, «не является категорией демократии, а скорее представляет собой современную форму свободы слова и информационных прав в плюралистическом обществе» (р. 58).

Неконтролируемое использование социальных сетей, главным образом в предвыборный период, не должно превращать киберпространство в «пространство беззакония». С этой точки зрения авторы приводят две противоположные модели правового регулирования киберпространства – североамериканскую и евро-

пейскую, – которые дают разные ответы на решение проблемы злоупотребления свободой слова в Интернете.

В североамериканской либеральной модели терпимость государства к определенным формам ксенофобии, в том числе в социальных сетях и в Интернете представляется в определенной степени позитивной и рассматривается как средство возрождения индивидуальных свобод, обсуждения идей и жизнеспособности демократии. Применяющиеся в этой модели критерии «явной и неминуемой опасности» («clear and imminent danger») и «неминуемого совершения незаконного действия» («imminent commission of an illegal action») рассматриваются как предпосылка для установления запрета определенных форм разжигания ненависти в киберпространстве, когда они создают явный риск совершения серьезного противоправного деяния. Это представляет собой надежную гарантию свободы слова (р. 59).

Тем не менее, как указывают авторы, либеральная парадигма имеет два недостатка юридического и практического характера. Первый связан с негативной интерпретацией свободы личности в законодательстве (в Первой поправке к Конституции США), которая в современных условиях, по мнению автора, не совсем адекватна для применения к цифровым коммуникациям. Вторым вытекает из признания судами того факта, что фундаментальное право частной собственности и частной инициативы позволяет цифровым платформам устанавливать критерии политической коррекции, подвергать цензуре экстремистские высказывания и запрещать пользователям или другим интернет-провайдерам создавать своего рода частное управление киберпространством. Так, в обстоятельствах, когда доминируют почти монополистические компании, которые неизбежно становятся проводниками свободы слова в Интернете, оказывается необходимым, чтобы они взяли на себя обязательства общественного характера, гарантирующие свободу слова (Ibid).

Что касается европейского региона, модель правового регулирования здесь развивается в целях уравновесить защиту гражданских прав в свете «достоинства человека» (доброе имя, честь, неприкосновенность частной жизни, личная идентичность), с одной стороны, и закон и порядок в общественной сфере – с другой. То есть, в отличие от североамериканской модели, при определен-

ных обстоятельствах, например, высказываниях, отрицающих геноцид, подстрекающих к насилию или совершению экстремистских преступлений, основанных на расовых или религиозных мотивах, создающих «конкретную или неминуемую опасность» – оправданно применение к ним превентивных или репрессивных мер. Достаточно того, что такого рода сообщения представляют собой – абстрактно – высокую вероятностную опасность, угрозу общественному спокойствию с высокой степенью материализации и серьезный ущерб чести групп меньшинств, который может быть квалифицирован как коллективная диффамация. Тем не менее разумным и актуальным вопросом является то, насколько в действительности необходимы такие средства правового регулирования – не являются ли они избыточными (р. 59–61).

Так, возложение на цифровые платформы, под страхом крупных штрафов, обязанности наблюдения (и цензуры) за пользователями, основанной на жалобах, которыми иногда манипулируют организованные группы агрессивных меньшинств, вольно толкующих расплывчатые формулы в отношении разжигания ненависти и фейковых новостей, по мнению авторов, является причиной для беспокойства со стороны общественности – вследствие отсутствия объективных правовых ограничений для этой аутсорсинговой формы цензуры. В европейском пространстве «была создана странная система, при которой платформы штрафуются, будь то за чрезмерную активность при удалении сообщений или за то, что проигнорировали значительное количество жалоб и запросов об удалении сообщений, которые запрашиваются различными людьми, создавая тем самым ситуацию незащищенности для пользователей и платформ» (р. 60).

В сфере регулирования, считают исследователи, следует поощрять платформы к созданию процедур посредничества и арбитража, чтобы избежать притока судебных разбирательств в суды, где серьезные дела часто смешиваются с мелкими и незначительными. В целом развитие правового регулирования идет «методом проб и ошибок» и находится в стадии разработки (Ibid).

Далее, исходя из анализа вызовов «конституционной демократии», которые бросает сегодня развитие киберпространства, в последующих одиннадцати главах второй части монографии разрабатывается одна из фундаментальных, по мнению авторов, тем,

необходимых для понимания эволюции верховенства права в киберпространстве, а именно: угроза дезинформации и роль в ее распространении социальных сетей. В связи с этим авторы затрагивают актуальные проблемы, связанные с растущей опасностью дезинформации и тем, что получило название «инфодемия», рассматривают место социальных сетей в качестве посредников, все менее нейтральных в отношениях между членами сообщества, а также по отношению к государству.

На опыте правовых систем Германии, Бразилии, Португалии, Италии исследуется фактор угрозы дезинформации, фейков, разжигания ненависти и вражды, исходящих из социальных сетей, киберпространства, а также правовых форм возможного противодействия этим процессам, как то: моделирование юридической ответственности в связи с деятельностью социальных сетей (р. 331), развитие концепции «киберсуда» для социальных сетей (р. 387) и др.

Монография не предлагает «готовых решений» по гарантиям верховенства права в киберпространстве, но, с одной стороны, описывает имеющиеся проблемы и опыт их решений в правовых системах различных регионов мира (например, известный кризис в Бразилии в связи с фейками на президентских выборах 2018 г.), с другой – выносит на обсуждение перспективы развития правового регулирования в киберпространстве, в том числе модели процедур по разрешению споров и т.п.

Работа познавательна и может быть полезна специалистам в политико-правовых дисциплинах, иных социальных науках, а также в журналистике.